

За волшебным колобком, или Сто лет спустя

Окончание. Начало в № 8-2016

Текст, фото: **Александр ЯКУШЕВ**

Солнечный не по-северному день бодрит свежим ветром, разгоняя по широкому небу кучи белых облаков. И его праздничный настрой, льющийся с прохладного неба на прохладную землю, будто настраивал каждую травинку под ногами и каждую веточку над головой на философский лад: все проходит в этом мире, и беда, и радость, но нет ничему ни начала, ни конца...

Следы, оставшиеся от брошенной деревни на земле, зарастали, как раны на теле животного или дерева. И на этих ранах зарождалась новая жизнь – в зеленой кипении трав и нежных красках северных цветов.

Лодка послушно разрезала темную гладь реки и понесла нас к новым берегам мимо песчаных кос, отмеченных следами медведя.

Кивнув в сторону заброшенной избы, примостившейся на крутом взгорке, Сергееич рассказал о бабушке-односельчанке, которая жила тут и в лес ходила охотиться до восьмидесяти лет. Как тут не вспомнить о сказаниях про Бабу-ягу! Встретишь в диком лесу сгорбленную бабушку с седыми космами, которая что-то под нос себе бубнит, и поверишь не только в Наину Киевну, но и явлению Змея Горыныча не сильно удивишься.

– А это самые дальние пожни с лахтами. Заросли уже, – Сергееич показал на заросли кустарника среди деревьев.

– С лахтами?

– Ляхтами мы называем поляны в лесу вдоль берега, где косят траву. Чем выше по реке в сторону Мезенских лесов, тем травы сочнее, а лахты встречаются все реже и реже. Эти лахты уж и забыли, что такое коша-

нина. Мы пацанами по кошанине ходили в носках с пришитой стелькой – так сяжней.

– Медведь? – воскликнул я, заметив убегающего в лес по высокой траве зверя.

– Нет, лось. У наших шкуры темные, вот ты и попутал.

Поздним вечером пришли к избе в Моховом бору. Дальше на моторе не подняться, и здесь был финал нашего следования за «волшебным колобком». С утра мы собирались порыбачить в окрестностях, а потом сплавляться до самого села – с рыбалкой и ночевками.

Изба в Моховом бору получила от меня собственное имя – «Берлога». Потому что после двух дней хода на моторе в верховья реки спали мы в ней, как медведи – не разбудить.

– Заварю-ка я тебе чай из родителей, – начал утром разговор Сергееич.

– Из каких таких родителей тут чай заваривают?

– Родителями мы называем цветы морошки, из них и делаем заварку.

Изба позволяла устроить в ней банный день, и я отправился к реке за водой, вспугнув по дороге лесную птицу – то ли пеструху, то ли марьюху, если верить Сергееичу, пытавшемуся потом по моему словесному описанию дать точное название биологическому виду.

– На току мы боровую дичь не стреляем. Умения много не надо по весне боровую дичь стрелять, а птица худосочная. Осенью охотимся, обычно с подхода. Такая охота требует многого от охотника, знания повадок зверя и птицы. Зимой по лесу зверя выслеживаем, как в старину, на камусовых кундах, которые у нас называют камусницами.

– Слова ваши поморские так на душу ложатся, слушал бы и слушал...

– Слова как слова... Своя говоря, конеш-шно. В Москве бываем, слышим, у вас там по-другому говорят, с акцентом. У нас даже после московской Олимпиады в селе родился негр, прямо как в комедии «Не валяй дурака». После этого фильма его так и прозвали – Максимкой. Пастухом был. Сосед все повторял: «Никогда б не подумал, что в нашей тундре северных оленей негр пасти будет». Сейчас уехал в город, парикмахером работает.

Утром вышли на рыбалку. Забрались в глубь выпадавшей в реку виски, поразившей меня сказочной красотой, и там я взял первого харюса (так на Мезени хариуса называют). Но после этой удачи река радовала только уютным, будто нарочно созданным ландшафтным дизайнером «оформлением». А с уловом больше не повезло, хотя вставляли на очень интересные точки.

Ближе к полудню бросили якорь в курье, где рыба должна стоять при любой погоде. Так и оказалось. Удалось вдоволь погонять мелких щурят, пока мой проводник оттачивал мастерство в ловле ельца. Окрас речной щуки удивлял разнообразием оттенков. Видимо, в каждом болоте, откуда рыба идет в реку, своя мода на расцветку.

По звериной тропе добрались до лесного озера, завадевшего участком старицы.

– Как-то раз нашел я зимой родник рядом со звериной тропой. Теперь слежу, чтобы никто тут не охотился. Если зверя на тропе убить, он тропу забросит, а если тропа ведет на солонцы или не замерзающий зимой минеральный источник, то это трагедия в лесу. Звери стадами часто ходят.

На берегу озера лежала полусгнившая лодка. Когда-то здесь сети ставили. Значит, и рыба должна быть. Но мы ничего не поймали, даже на поплавочную снасть с червяком.

– Смотри, минога плывет! – воскликнул я, заметив в воде змеиное тело рыбы.

– Здесь это не чудо! В соседней реке ее много, там и ловят. Деликатес! У нас-то в основном камбала, на червя ловим. Только вот после того, как коровник рухнул, навозного червя найти проблема. Мы с тобой полчасы собирали и почти все, что нашли, в первый же день ельцам скормили.

– А до второго лесного озера, о котором ты говорил, далеко?

– Недалеко, пошли сходим.

Пеший поход на это лесное, а правильнее сказать, болотное озеро стал изюминкой всего путешествия. Мы вышли к нему со стороны клочихи, поляны,

которая представляла собой кáлтус, или, как тут его называют, сахтú. Если б не Сергеич, я бы побоялся приближаться к воде. Идти по сахтэ все равно что по надувному батуту. Очень похоже на аттракцион, только тут роковая неосторожность означала внеплановый заплыв в ледяной воде. Слева молодая роща, впереди еловый лес, правее крутой берег, как щелья на реке, а вокруг чистейшая родниковая вода. Осторожно опутившись на колени, я жадно пил эту воду.

Водились в озере невыдающихся размеров окуни и щуки. Однако сама рыбалка доставила удовольствие. Окрас всех выловленных щук был разным – от очень светлого до почти черного. Озеро связывала с рекой подземная виска, и сюда заходили щурята из реки, рожденные в болотных ручьях.

Любой праздник имеет привычку заканчиваться...

Когда возвращались моховым бором к реке, недалеко начал погромыхивать гром. Прибавили шагу.

На следующее утро собрали вещи, попрощались с «Берлогой» и – в лодку.

Сплав – дело неспешное, созерцательное, тем, кто спешит, не понять его неторопливой прелести. Мы никого не преследовали, и за нами никто не гнался, останавливались, когда хотели, на реке, преимущественно на уловах.

– А что такое трофейная рыбалка? – рассуждал я, закидывая спиннинг. – Моим трофеем в этом походе будет не рыба, а новые впечатления от Мезенского края. Рыбу съешь и забудешь, а поездку такую не забыть.

Водились в озере невыдающихся размеров окуни и щуки, но сама рыбалка доставила удовольствие.

– С мезенских северных лесных поселений приходят рыбачить на наши реки, на те, что впадают в Чешскую губу. В лесных-то реках сложно рыбачить, заросли так, что не пробраться, да и сиги в них не заходят. Тебе, по глазам вижу, туда хочется, но учти, что такой поход сложнее экспедиции на Северный полюс будет. Однажды один охотник в северных Мезенских лесах заблудился, по ошибке добрался к истокам нашей реки и стал сплавляться, чтобы доплыть хоть до какого поселения. Нашли его полуживым после сорока дней скитаний.

Поход на третье болотное озеро стал настоящим испытанием. Наше появление здесь ошеломило местное комарье. Как только вышли из леса на клочиху,

рой кровожадных тварей накрыл нас серым покрывалом. Прыгая с клоча на клоч в низкорастущем ивняке, добрались до озера. Задохнулся с непривычки.

Рыбалка с такого берега – это уже достижение! Стоя почти по колено в воде, сделал два десятка забросов, оснатив спиннинг сначала воблером, а потом вертушкой третьего размера. И хотя говорят, что отсутствие результата – тоже результат, как-то досадно становится получить его после стольких приключений по дороге. Обратно по клочам ускакали в лес, на реку.

С угора, пройдя чуть ниже вадиги, удалось выловить несколько харюсов после забросов в берег.

– Как бы спирали не закончились раньше срока, – зажигая очередной зеленый завиток, укрепленный на консервной банке посреди стола, посетовал проводник.

– А если дымокурить пакулой, как в старину?

– Чагу тут, на болотах, найти сложно. Все наросты – трут, а нам чага нужна – со здоровой березы.

Почти каждый день в походе Сергеич заводил разговор о лошадях. Видимо, воспоминания детства пробудил в нем наш неожиданный поход.

– Имена лошадям-погодкам давали на одинаковую букву, чтоб легче запоминать и отличать их возраст. Мезенки всегда работали парами, и если одного коня привязать, то второго не нужно.

Сергеич часто вспоминал пару коней-погодков – Шалуна и Шабаша. Мальчишкой он с десяти лет

на сенокосах работал. Я представлял, как в старину поречники-устьяне «уходили в лето» на дальние сенокосы, чтобы в зиму вывезти более ценное сено. Представлял, как они добирались до своих лахт на лошадях по берегу реки, как ночевали в шалашах на угоре, как косили траву литовками, как ставили стожары и стоговали сено.

– Теперь я точно знаю, что дошел до северных рубежей Мезенского края, хотя мезенцы свои поселения ставили и на Канинской земле, и далее до Тиманского хребта.

– Надо тебе в настоящий морской поход сходить. Есть у меня идея на этот счет.

– Спасибо. И это попробую обязательно.

Последняя ночь была как в сказке. Мара, нашедшая с тундры, накрыла и калтус, и лес, в котором пряталась избушка. Все вокруг замерло, точно перед появлением неведомого чуда.

Мой рассказ о рыбалке в последний день похода будет кратким. Почти все рассказы счастливых рыбаков, что приходится читать в журналах, посвящаются рыболовным снастям, а не рыбалке. По этой причине я перестал покупать один из рыболовных журналов: там все пропитано практичностью и рентабельностью. Вместо того чтобы способствовать возрождению естественных нерестилищ и развивать рыболовную культуру, журналы навязывают юным рыбакам идеологию потребления. Среди молодых удильщиков и спиннингистов мало найдется тех, кто сможет от-

Началось рыбное эльдорадо: попался даже сиг и елец. За утро наловил походную норму хариуса.

личить ельца от густеры, зато названия зарубежных приманок знают наизусть.

Так вот, под лучами утреннего солнца, которого нам так не хватало все эти дни, мы закорили лодку у черного кряжа, на уловах. По ходу рыбалки перемещались вниз по каменистой кошке (перекат с каменистым дном), бросая якорь через каждые двадцать метров до самой вадиги. Яркие цвета неба, леса и воды преобразились под лучами утреннего света.

Сначала делал забросы без поводка, но заметив, что в воде, подпитываемой болотными ручьями, хариус провожает блесну без атаки, призадумался. Привязал поводок из монолески. Не помогло. Поклевки не было, несмотря на наглые всплески вокруг лодки. Проанализировал ситуацию и на основании знаний о спектральном зрении рыб, фильтрации и поляризации светового потока водой нашел решение, которое не требовало замены блесны. Началось рыбное эльдорадо: на блесну попался даже сиг и елец. За одно утро наловил всю свою походную норму хариуса. Загадка для читателя: что я сделал?

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ПОДАРОК ОХОТНИКУ И КОЛЛЕКЦИОНЕРУ!

«Серебряный проект БАРТИНИ» предлагает уникальные авторские работы: животный мир России в скульптурных композициях

**СЕРЕБРЯНЫЙ
ПРОЕКТ**

ЮБЕЛейНЫЕ ТРАДИЦИИ
С 1907 ГОДА

Россия, 119048, г. Москва
ул. Усачёва, д. 29, корп. 9
Тел.: +7 499 255 80 87
Тел.: +7 495 765 65 81
e-mail: 2558087@mail.ru
www.silverproject.ru

По ходу приближения к селу река становилась все шире, а угоры все ниже. Приключение завершилось.

– Ну, чемпион, тебе еще налима здесь поймать, и будет полный комплект!

– А вот ответь мне, пожалуйста: обслуживание туристов выгоднее вылова рыбы, которую потом за полцены тут сдают коммерсантам заезжим? Может, если приглашать туристов, то и жизнь тут будет интереснее? От села по реке тридцать километров – и уже нетронутые земли начинаются. Попасть к вам, конечно, сложно, но я же попал!

– Да, места наши почти недоступные, охотники приезжают, а таких, как ты, не было. Как ты вообще-то к нам попал?

– Давно хотел отважиться на какую-нибудь авантюру в смысле рискованного и неожиданного приключения. Теперь у меня в багаже есть такое.

Бросив в берег блесну, взял шального, последнего харюса у виски, которая из болота шла, создавая дополнительное течение под берегом. Потом пошли поклевки мелких, которых отпускал, и, чтобы не уве-

личивать популяцию рыб с разорванными ртами, закончил рыбалку.

– Вот и последняя курья, больше мест для рыбалки уж не будет.

– Знаешь, я уже нарыбачился, – ответил я, сматывая удочки. – Даже не верю, что через час-другой этот речной поход закончится.

Река становилась все шире и шире, а угоры все ниже и ниже по ходу приближения к селу. Приключение завершилось. Но я не прощаюсь с Мезенским краем, мой «волшебный колобок» наверняка позовет в новые походы сюда.

Перед самым отъездом Сергеич, следуя традиции, вручил мне пополнок в виде замороженного гуся с хлупью.

PS. После приземления самолета запах нажаренного солнцем асфальта мгновенно вернул меня в цивилизацию. Этот перелет стал скачком во времени, перенесшим действие в реальность из удивительного и сказочного мира, который еще есть на нашей планете.

Завершая рассказ, хочу сказать, что Мезенский край богат и лесами, и реками, и озерами, и обычаями древних времен. Каждый найдет здесь маршрут для себя. Главное же богатство Мезенского края – это родовые поморы, хранители души Русского Севера, и общение с ними – все равно что путешествие к истокам, которое дорогого стоит.